

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Немая книга

У проселочной дороги, в лесу, стоит одинокий крестьянский дом. Проходим прямо во двор; солнышко так и сияет, все окошки отворены, жизнь кипит ключом, но в беседке из цветущей сирени стоит открытый гроб. В нем лежит покойник; его будут хоронить сегодня утром. а пока поставили в беседку. Никто не стоит возле гроба, никто не скорбит об умершем, никто не плачет над ним. На лицо его наброшен белый покров, а голова покоится на большой, толстой книге; листы ее из простой, серой бумаги; между ними скрыты и забыты засушенные цветы. Книга эта – целый гербарий, собранный по разным местам, и должна быть зарыта вместе с умершим: так он велел; с каждым цветком связана была ведь целая глава из его жизни.

– Кто он? – спросили мы, и нам ответили:

– Старый студент из Упсалы! Когда-то он был способным малым, изучал древние языки, пел и даже, говорят, писал стихи. Но потом с ним что-то приключилось, и он стал топить свои мысли и душу в водке; в ней же потонуло и его здоровье, и вот он поселился здесь, в деревне; кто-то платил за его помещение и стол. Он был кроток и набожен, как дитя, но иногда на него находили минуты мрачного отчаяния; тогда с ним трудно было справиться, и он убегал в лес, как гонимый зверь. Стоило, однако, залучить его домой да подсунуть ему книгу с засушенными растениями, и он сидит, бывало, по целым дням, рассматривая то тот, то другой цветок. Иной раз по его щекам бежали при этом крупные слезы. Бог знает, о чем он думал в такие минуты! И вот он просил положить эту книгу ему в гроб; теперь она лежит у него под головой. Сейчас гроб заколотят, и бедняга успокоится в могиле навеки!

Мы приподняли покров. Миром и спокойствием веяло от лица покойного; солнечный луч озарял его чело; стрелой влетела в

беседку ласточка, быстро повернулась на лету над головой покойника, прощепетала что-то и скрылась.

Какое-то странное чувство, знакомое, вероятно, всем, овладевает душой, когда начнешь перечитывать старые письма, относящиеся к дням нашей юности. Перед взором словно всплывает целая жизнь со всеми ее надеждами и печалью. Сколько из тех людей, с которыми мы когда-то жили душа в душу, умерло с тех пор для нас! Правда, они живы и до сих пор, но мы столько лет уже не вспоминали о них! А ведь когда-то думали, что вечно будем делить с ними и горе и радость.

Вот засушенный дубовый листок. Невольно приходит на ум друг, товарищ школьных лет, друг на всю жизнь! Он сам воткнул этот листок в фуражку студента, сорвав его в зеленом лесу, где был заключен товарищеский союз на всю жизнь! Где же этот друг теперь?.. Листок был спрятан, друг забыт! А вот веточка какого-то чужеземного тепличного растения, слишком нежного, чтобы расти в садах севера. Сухие листики как будто еще сохранили свой аромат! Эту веточку дала ему она... она – цветок, взлелеянный в дворянской теплице! Вот белая кувшинка; он сам сорвал и оросил горькими слезами этот цветок – дитя тихих, стоячих вод. Вот крапива! О чем говорят ее листья? О чем думал он сам, срывая и пряча ее? Вот лесной ландыш; вот веточка козьей жимолости из цветочного горшка, стоявшего на окне постоянного двора, а вот голые, острые травяные стебли!

Душистые, усыпанные цветами ветви сирени склоняются к челу усопшего; снова пролетает ласточка: кви-вит, кви-вит!.. Приходят люди с молотком и гвоздями; покойник скрывается под крышкой навеки; голова его покоится на немой книге. Скрыто – забыто!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Сон

Все яблони в саду покрылись бутонами – цветочкам хотелось опередить зеленые листья. По двору разгуливали утята, на солнышке потягивалась и нежилась кошка, облизывая свою собственную лапку. Хлеба в полях стояли превосходные, птички пели и щебетали без умолку, словно в день великого праздника. В сущности, оно так и было – день-то был воскресный. Слышался благовест, и люди, разодетые по-праздничному, с веселыми, довольными лицами шли в церковь. Да, право, и вся природа вокруг как будто сияла! Денек выдался такой теплый, благодатный, что так вот и хотелось воскликнуть: «Велика милость божья к нам, людям!»

Но с церковной кафедры раздавались не такие речи; пастор громко и сурово доказывал слушателям, что все люди – безбожники, что бог накажет их, ввергнет по смерти в геенну огненную, где огонь неугасающий и червь неумирающий! Вечно будут они мучиться там, без конца, без отдыха! Просто ужас брал, слушая его! Он говорил ведь так уверенно, так подробно описывал преисподнюю, эту смрадную яму, куда стекаются

нечистоты со всего мира и где грешники задыхаются в серном, удушливом воздухе, погружаясь, среди вечного безмолвия, в бездонную трясину все глубже и глубже!.. Да, страшно было даже слушать, тем более что пастор говорил с такой искренней верой; все бывшие в церкви просто трепетали от ужаса.

А за церковными дверями так весело распевали птички, так славно сияло солнышко, и каждый цветочек как будто говорил: «Велика милость божья к нам всем!». Все это было так непохоже на то, о чем говорил пастор.

Вечером, перед тем как ложиться спать, пастор заметил, что жена его сидит в каком-то грустном раздумье.

– Что с тобой? – спросил он ее.

– Что со мной? – проговорила она. – Да вот, я все не могу хорошенько разобраться в своих мыслях. Не могу взять в толк того, что ты говорил сегодня утром... Неужели и в самом деле на свете так много безбожников, и все они, будут гореть в огне вечно?.. Подумать только, так долго – вечно! Нет, я только слабая, грешная душа, как и все, но если и у меня не хватило бы духа осудить на вечные муки даже самого злейшего грешника, то как же может решиться на это господь бог? Он ведь бесконечно милосерден и знает, что грех бывает и вольный и невольный! Нет, что ты там ни говори, а я не пойму этого никогда!

Настала осень; вся листва с деревьев пооблетела; серьезный, суровый пастор сидел у постели умирающей. Благочестивая, верующая душа уходила в другой мир. Это была жена пастора.

– Если кого ждет за гробом вечный покой и милость божья, так это тебя! – промолвил пастор, сложил умершей руки и прочел над ней молитву.

Ее схоронили; две крупные слезы скатились по щекам сурового пастора. В пасторском доме стало тихо, пусто – закатилось его ясное солнышко, умерла хозяйка.

Ночью над головой пастора пронеслась вдруг холодная струя ветра. Он открыл глаза. Комната была словно залита лунным светом, хотя ночь не была лунная. Свет этот шел от стоявшей у постели прозрачной фигуры. Пастор увидел перед собою тень своей покойной жены. Она устремила на него скорбный взгляд и как будто хотела сказать что-то.

Пастор слегка приподнялся, простер руки к призраку и сказал:

– Неужели и ты не обрела вечного покоя? И ты страдаешь? Ты, добродетельнейшая, благочестивейшая душа?!

Тень утвердительно кивнула головой и прижала руку к сердцу.

– И от меня зависит дать тебе это успокоение?

– Да! – донеслось до него.

– Но как?

– Дай мне волос, один-единственный волос с головы того грешника, который будет осужден на вечные муки, ввергнут богом в геенну огненную.

– Так мне легко будет освободить тебя, чистая, благочестивая душа! – сказал он.

– Следуй же за мною! – сказала тень. – Нам разрешено лететь с тобой всюду, куда бы ни повлекли тебя твои мысли! Незримые ни для кого, заглянем мы в самые тайники человеческих душ, и ты твердою рукой укажешь мне осужденного на вечные муки. Он должен быть найден, прежде чем пропоет петух.

И вот они мгновенно, словно перенесенные самой мыслью, очутились в большом городе. На стенах домов начертаны были огненными буквами названия смертных грехов: высокомерие, скупость, пьянство, сладострастие... Словом, тут сияла вся семицветная радуга грехов.

– Так я и думал, так и знал! Вот где обитают обреченные вечно

гореть в огне преисподней! – сказал пастор.

Они остановились перед великолепно освещенным подъездом. Широкие лестницы, устланные коврами, уставленные цветами, вели в покои, где гремела бальная музыка. У подъезда стоял швейцар, разодетый в шелк и бархат, с большой серебряною булавой в руках.

– Наш бал поспорит с королевским! – сказал он, оборачиваясь к уличной толпе, а вся его фигура так и говорила: «Весь этот жалкий сброд, что глазеет в двери, мразь в сравнении со мною!»

– Высокомерие! – сказала тень усопшей. – Заметил ты его?

– Его! – повторил пастор. – Да ведь он просто глупец, шут! Кто же осудит его на вечную муку?

– Шут! – пронеслось эхом по всей этой обители высокомерия; все жильцы ее были таковы!

Пастор и призрак понеслись дальше и очутились в жалкой каморке с голыми стенами. Тут обитала Скупость. Исхудалый, дрожащий от холода, голодный и изнывающий от жажды старик цеплялся всею душой, всеми помыслами за свое золото. Они видели, как он, словно в лихорадке, вскакивал с жалкого ложа и вынимал из стены кирпич – за ним лежало в старом чулке его золото, потом ощупывал дрожащими влажными пальцами свой изношенный кафтан, в котором тоже были зашиты золотые монеты.

– Он болен! Это жалкий безумец, не знающий ни покоя, ни сна! – сказал пастор.

Они поспешно унесли прочь и очутились в тюрьме, у нар, на которых спали вповалку преступники. Вдруг один из них испустил ужасный крик, вскочил со сна, как дикий зверь, и принялся толкать своими костлявыми локтями спящего рядом соседа. Тот повернулся и проговорил спросонья:

– Замолчи, скот, и спи! И это каждую ночь!..

– Каждую ночь! – повторил первый. – Да, он каждую ночь и приходит ко мне, воет и душит меня... Сгоряча я много делал злого, таким уж я уродился! Оттого я опять и угодил сюда! Но коли я грешил, так теперь и несу наказание! В одном только я не повинился еще. Когда меня в последний раз выпустили отсюда на волю и я проходил мимо двора моего хозяина, сердце во мне вдруг так вот и закипело... Я чиркнул о стенку спичкою, огонек слегка лизнул соломенную крышу, и все вспыхнуло разом. Пошла тут кутерьма не хуже, чем была у меня в душе! Я помогал спасать скот и имущество. Не сгорело ни одной живой души, кроме стаи голубей, которые влетели прямо в огонь, да цепного пса. О нем-то я и не вспомнил. Слышно было, как он выл в пламени... Вой этот и до сих пор отдается у меня в ушах, как только я начну засыпать, а засну – пес тут как тут, большущий, лохматый!.. Он наваливается на меня, воет, давит меня, душит... Да ты слушай, что я тебе рассказываю! Успеешь выспаться! Небось храпишь всю ночь, а я не могу забыться и на четверть часа!

И глаза безумца палились кровью, он бросился на соседа и стал бить его по лицу кулаками.

– Злой Мас опять взбесился! – слышались голоса, и другие преступники бросились на него, повалили, перегнули так, что голова его очутилась между ногами, и крепко-накрепко связали его. Кровь готова была брызнуть у него из глаз и изо всех пор кожи.

– Вы убьете несчастного! – вскричал пастор и протянул руку на защиту грешника, который так жестоко страдал еще при жизни, но обстановка вокруг опять изменилась.

И вот они пролетали через богатые дворцы, через бедные хижинки; сладострастие, зависть – все смертные грехи проходили перед ними. Ангел возмездия громко перечислял грехи людей и затем все, что могло послужить в их оправдание. Немногое можно было сказать в защиту людей, но бог читает в сердцах, видит все смягчающие обстоятельства, знает, что грех бывает вольный и

невольный, да и велика милость его, всемилосердного, всеблагого! И рука пастора дрожала, он не смел протянуть ее, чтобы сорвать волос с головы грешника. Слезы ручьем полились из его глаз, слезы жалости и любви, которые могут залить даже огонь преисподней.

Запел петух.

– Милосердный боже! Даруй же ты ей тот покой, которого не в силах был доставить я!

– Я уже обрела его! – сказала тень. – Меня привели к тебе твои жестокие слова, мрачное недоверие к богу и к его творению! Познай же душу людей! Даже в самых злых грешниках жива божья искра! Она теплится в их душе, и ее благодатное пламя сильнее огня преисподней!..

Тут пастор почувствовал на своих губах крепкий поцелуй: было совсем светло, ясное солнышко светило в окошки; жена его, живая, ласковая и любящая, разбудила его от сна, ниспосланного ему самим богом.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

**Сказки Ханса Кристиана
Андерсена . Директор
кукольного театра**

В числе пассажиров на пароходе находился пожилой господин; лицо у него было такое веселое, довольное, что, не лги оно только, обладателя его приходилось признать счастливейшим человеком на свете. Да так оно и было – он сам сказал мне это. Оказался он моим земляком, датчанином, и директором странствующей труппы. Всю труппу он возил с собою в большом сундуке: он был директором кукольного театра. Природный веселый нрав господина директора прошел через горнило испытания и закалился благодаря эксперименту одного политехника. Последний превратил директора в истинного счастливца. Сразу я не смекнул, в чем было дело; тогда он подробно рассказал мне всю историю. Вот она.

– Дело было в городе Слагельсе, – рассказывал он. – Я давал представление в зале на почтовой станции; сбор был полный, публика блестящая, но совсем зеленая, за исключением двух-трех пожилых матрон. Вдруг входит господин в черной паре, с виду студент, садится и где следует смеется, где следует аплодирует!.. Зритель не из обыкновенных! Я захотел узнать, кто он такой. Слышу – кандидат политехнических наук, командированный в провинцию просвещать народ. В восемь часов вечера представление мое кончилось, детям надо ведь ложиться спать пораньше, а мое дело заботиться об удобствах публики. В девять часов начал читать лекцию и показывать свои опыты кандидат, и теперь я превратился в слушателя. Да, оно и стоило

послушать и поглядеть! Правда, большую часть лекции впору было понять разве пастору, как это у нас говорится, но все же я кое-что понял, а главное, усвоил себе мысль, что если мы, люди, способны додуматься до таких вещей, то должны годиться кое на что и после того, как нас упрячут в землю. Кандидат положительно делал маленькие чудеса, но все выходило у него так просто, естественно! Во времена Моисея и пророков такой политехник прослыл бы за одного из первых мудрецов, а в средние века его бы просто сожгли! Всю ночь я не мог заснуть; на другой день вечером я опять давал представление; кандидат снова присутствовал, и я был, что называется, в ударе. Я слышал от одного актера, что он, играя роли первых любовников, всегда имел в виду одну из зрительниц, для нее одной и играл, забывая всех остальных. Такою «зрительницей» стал для меня кандидат; для него я и играл. Представление кончилось, всю мою труппу вызвали, а меня кандидат пригласил к себе распить с ним в компании бутылочку вина. Он говорил о моем театре, а я – о его науке, и думаю, что оба мы были одинаково довольны друг другом, но я в своем деле все-таки перецегалял его: он-то многих из своих фокусов и сам объяснить не мог. Почему, например, железная пластинка, пропущенная сквозь спираль, намагничивается? Она словно одухотворяется, но как, чем? Вот и с людьми то же самое, думается мне: создатель пропускает их через спираль времени, на них нисходит дух, и вот вам – Наполеон, Лютер или кто-нибудь другой в этом роде. «Мир – ряд чудес, сказал мой кандидат, – но мы так привыкли к ним, что зовем их обыденными явлениями». И он пустился в объяснения; под конец мне стало казаться, что мне как будто приподняли темя и мозговое помещение мое расширилось! Я сознался, что, не уйди уже мое время, я бы сейчас же поступил в политехнический институт, учиться разбирать мир по косточкам, даром что я и без того один из счастливейших людей на свете! «Один из счастливейших людей! – повторил кандидат, словно смакуя мои слова. – Так вы счастливы?» – «Да! – ответил я. – Я счастлив; меня с моей труппой принимают отлично во всех городах. Правда, есть у меня одно желание, которое иногда дразнит меня, как бесенок, и смущает мой веселый нрав... Мне бы хотелось стать

директором настоящей труппы!» – «Вы хотели бы оживить своих марионеток? Желали бы, чтобы они сделались настоящими актерами, а вы директором настоящей труппы? – спросил меня кандидат. – Вы думаете, что будете тогда вполне счастливы?»

Сам он этого не думал, а я думал, и мы долго спорили, но каждый остался при своем мнении. Разговаривая, мы не переставали чокаться: вино было доброе, но не простое, что ни говори; иначе пришлось бы объяснить всю историю тем, что я попросту наклюкался! Но пьян я не был, ни-ни!.. Вдруг вижу, всю комнату точно озарило солнцем; лицо кандидата так и светится. Мне сейчас вспомнились сказания о вечно юных богах древности, разгуливавших по свету. Я сказал ему об этом, он улыбнулся, и я готов был поклясться, что передо мною сидит сам переодетый бог или один из сродников богов. Так оно и было; и вот желанию моему суждено было исполниться: куклы должны были сделаться живыми людьми, а я – настоящим директором. По этому случаю мы выпили еще; потом кандидат запрятал всех моих кукол в сундук, привязал его к моей спине и пропустил меня через спираль. Я и теперь еще слышу, как я шлепнулся на пол!

В самом деле, я лежал на полу, а вся моя труппа выпрыгнула из ящика. Куклы превратились в замечательных артистов – это они сами мне сказали, – а я был их директором. Все было готово к первому представлению, но вся труппа желала поговорить со мною, публика тоже. Первая танцовщица заявила, что, если она не будет стоять на одной ножке, сборы падут; она являлась главным лицом в труппе и требовала соответственного обращения с собою. Кукла, игравшая королев, желала, чтобы с нею и вне сцены обходились как с королевой, – иначе она отвыкнет от своего амплуа! Выходной актер, являвшийся с письмами, воображал себя такую же артистическою величиною, как и первый любовник: нет ни малых, ни великих актеров, все одинаково важны в смысле сценического ансамбля! Трагик же требовал, чтобы вся его роль сплошь состояла из одних сильных мест: за ними ведь следуют аплодисменты и вызовы. Примадонна хотела играть только при красном бенгальском освещении – это ей шло,

а голубое было не к лицу. Словом, все жужжали, точно мухи в бутылке, а в середине ее сидел я сам – я был директором! Дыхание спиралось у меня в груди, голова кружилась, я очутился в самом жалком положении, в какое только может попасть человек: меня окружала совсем новая порода людей! Я от души желал упрятать их всех опять в сундук и вовеки не бывать настоящим директором! Я и сказал им прямо, что все они, в сущности, только марионетки, а они за это избили меня до полусмерти.

Очнулся я на своей постели, в своей комнате. Как я попал туда от кандидата, знает он, а не я. Месяц светил прямо на пол, а на полу валялся опрокинутый сундук и вокруг него все мои куклы, малые и большие, – вся труппа! Я зевать не стал, спрыгнул с постели, побросал их всех в сундук, которых ногами вниз, которых головой, захлопнул крышку и сам уселся на нее. Вот-то была картина! Можете вы себе представить ее? Я могу. «Ну-с, теперь вы останетесь там! – сказал я куклам. – А я никогда больше не пожелаю оживить вас!» На душе у меня стало так легко, я опять был счастливейшим человеком. Кандидат политехнических наук просветил меня. Я был до того счастлив, что как сидел на сундуке, так и заснул. Утром – скорее, впрочем, в полдень, я непостижимо долго спал в этот день! – я проснулся и увидел, что все еще сижу на сундуке. Теперь я был вполне счастлив: я убедился, что мое прежнее желание было просто глупостью. Я справился о кандидате, но он исчез, как исчезали греческие и римские боги. С тех пор и я остаюсь счастливейшим человеком. Ну, не счастливый ли я в самом деле директор? Труппа моя не рассуждает, публика тоже, а забавляется себе от всей души. И я свободно могу сам сочинять для себя пьесы. Из всех пьес я беру что хочу – самое лучшее, и никто не в претензии. Есть такие пьесы, которыми теперь директора больших театров пренебрегают, но которые лет тридцать тому назад давали полные сборы, заставляли публику проливать слезы: я даю эти пьесы на своей сцене, и малыши плачут, как, бывало, плакали их папаши и мамыши. Я даю «Иоганну Монфокон» и «Дювеке» – конечно, в сокращенном виде:

малыши не любят длинной любовной канители; им хоть несчастливо, да скоро. Так-то изъездил я всю Данию и вдоль и поперек, знаю всех, и меня знают все. Теперь вот направляюсь в Швецию; посчастливится мне там, наживу деньжонок – сделаюсь скандинавом (приверженцем идеи объединения всех трех северных государств), а иначе – нет; говорю вам откровенно, как своему земляку!

А я в качестве такового, конечно, не замедлил рассказать о своей встрече вам; такая уж у меня повадка – рассказывать.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Птица Феникс

В райском саду под деревом познания цвел розовый куст; в первой же распутившейся на нем розе родилась птица; перья ее отливали чудными красками, полет ее был – сиянием, пение – дивной гармонией.

Но вот Ева вкусила от дерева познания, и ее вместе с Адамом изгнали из рая, а от пламенного меча ангела возмездия упала в гнездо одна искра. Гнездо вспыхнуло, и птица сгорела, но из раскаленного яйца вылетела новая, единственная, всегда единственная в мире птица феникс. Мифы говорят, что она вьет себе гнездо в Аравии и каждые сто лет сама сжигает себя в гнезде, но из раскаленного яйца вылетает новый феникс, опять единственный в мире.

Быстрая, как луч света, блистая чудною окраской перьев, чаруя своим дивным пением, летает вокруг нас дивная птица.

Мать сидит у колыбели ребенка, а птица витает над его изголовьем, и от веяния ее крыл вокруг головки ребенка образуется сияние. Залетает птица и в скромную хижину труженика, и тогда луч солнца озаряет хижину, а жалкий деревянный сундук начинает благоухать фиалками.

Птица феникс не вечно остается в Аравии. Она парит вместе с северным сиянием и над ледяными равнинами Лапландии, порхает между желтыми цветами, питомцами короткого лета, и в Гренландии. В глубине Фалунских рудников и в угольных шахтах Англии вьется она напудренною молью над молитвенником в руках благочестивого рабочего; в цветке лотоса плавает по священным водам Ганга, и глаза молодой индийской девушки загораются при виде ее огнем восторга!

Птица феникс! Разве ты не знаешь ее, этой райской птицы, священного лебедя песнопений? На колеснице Фесписа [Феспис (жил в Аттике около 550 г. до н.э.), согласно преданиям, был отцом трагедии и разъезжал по стране во главе странствующей труппы актеров; сценой им служила их же повозка] сидела она болтливым вороном, хлопая черными крыльями; по струнам арфы исландского скальда звонко ударяла красным клювом лебедя; на плечо Шекспира опускалась вороном Одина и шептала ему на ухо: «Тебя ждет бессмертие»; в праздник певцов порхала в рыцарской зале Вартбурга.

Птица феникс! Разве ты не знаешь ее? Это она ведь пропела тебе марсельезу, и ты целовал перо, выпавшее из ее крыла; она являлась тебе в небесном сиянии, а ты, может быть, отворачивался от нее к воробьям с крыльями, раззолоченными сусальным золотом!..

Райская птица, каждое столетие погибающая в пламени и вновь возрождающаяся из пепла, твои золотые изображения висят в роскошных чертогах богачей, сама же ты часто блуждаешь бесприютная, одинокая!.. Птица феникс, обитающая в Аравии, – только миф!

В райском саду родилась ты под деревом познания, в первой распутившейся розе, и творец отметил тебя своим поцелуем и дал тебе настоящее имя – Поэзия!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Лён

Лён цвёл чудесными голубенькими цветочками, мягкими и нежными, как крылья мотыльков, даже ещё нежнее! Солнце ласкало его, дождь поливал, и льну это было так же полезно и приятно, как маленьким детям, когда мать сначала умоет их, а потом поцелует, дети от этого хорошеют, хорошел и лён.

– Все говорят, что я уродился на славу! – сказал лён. – Говорят, что я ещё вытянусь, и потом из меня выйдет отличный кусок холста! Ах, какой я счастливый! Право, я счастливее всех! Это так приятно, что и я пригожусь на что-нибудь! Солнышко меня веселит и оживляет, дождичек питает и освежает! Ах, я так счастлив, так счастлив! Я счастливее всех!

– Да, да, да! – сказали колья изгороди, – Ты ещё не знаешь света, а мы так вот знаем, – вишь, какие мы сучковатые! И они жалобно заскрипели:

Оглянуться не успеешь,

Как уж песенке конец!

– Вовсе не конец! – сказал лён. – И завтра опять будет греть солнышко, опять пойдет дождик! Я чувствую, что расту и цвету! Я счастливее всех на свете!

Но вот раз явились люди, схватили лён за макушку и вырвали с корнем. Больно было! Потом его положили в воду, словно собирались утопить, а после того держали над огнем, будто хотели изжарить. Ужас что такое!

– Не вечно же нам жить в свое удовольствие! – сказал лён. – Приходится и потерпеть. Зато поумнеешь!

Но льну приходилось уж очень плохо. Чего-чего только с ним не делали: и мяли, и тискали, и трепали, и чесали – да просто всего и не упомнишь! Наконец, он очутился на прялке. Жжж! Тут уж поневоле все мысли вразброд пошли!

«Я ведь так долго был несказанно счастлив! – думал он во время этих мучений. – Что ж, надо быть благодарным и за то хорошее, что выпало нам на долю! Да, надо, надо!.. 0х!»

И он повторял то же самое, даже попав на ткацкий станок. Но вот наконец из него вышел большой кусок великолепного холста. Весь лён до последнего стебелька пошел на этот кусок.

– Но ведь это же бесподобно! Вот уж не думал, не гадал-то! Как мне, однако, везет! А колья-то все твердили: «Оглянуться не успеешь, как уж песенке конец!» Много они смыслили, нечего сказать! Песенке вовсе не конец! Она только теперь и начинается. Вот счастье-то! Да, если мне и пришлось пострадать немножко, то зато теперь из меня и вышло кое-что. Нет, я счастливее всех на свете! Какой я теперь крепкий, мягкий, белый и длинный! Это небось получше, чем просто расти или даже цвести в поле! Там никто за мною не ухаживал, воду я только и видал, что в дождик, а теперь ко мне приставили прислугу, каждое утро меня переворачивают на другой бок, каждый вечер поливают из лейки! Сама пасторша держала надо мною речь и сказала, что во всем околотке не найдется лучшего куска! Ну, можно ли быть счастливее меня!

Холст взяли в дом, и он попал под ножницы. Ну, и. досталось же ему! Его и резали, и кроили, и кололи иголками – да, да! Нельзя сказать, чтобы это было приятно! Зато из холста вышло

двенадцать пар... таких принадлежностей туалета, которые не принято называть в обществе, но в которых все нуждаются. Целых двенадцать пар!

– Так вот когда только из меня вышло кое-что! Вот каково было мое назначение! Да ведь это же просто благодать! Теперь и я приношу пользу миру, а в этом ведь вся и суть, в этом-то вся и радость жизни! Нас двенадцать пар, но все же мы одно целое, мы – дюжина! Вот так счастье!

Прошли года, и белье износилось.

– Всему на свете бывает конец! – сказала оно. – Я бы и радо было послужить ещё, но невозможное – невозможно!

И вот белье разорвали на тряпки. Они было уже думали, что им совсем пришёл конец, так их принялись рубить, мять, варить, тискать... Ан, глядь – они превратились в тонкую белую бумагу!

– Нет, вот сюрприз так сюрприз! – сказала бумага. – Теперь я тоньше прежнего, и на мне можно писать. Чего только на мне не напишут! Какое счастье!

И на ней написали чудеснейшие рассказы. Слушая их, люди становились добрее и умнее, – так хорошо и умно они были написаны. Какое счастье, что люди смогли их прочитать!

– Ну, этого мне и во сне не снилось, когда я цвела в поле голубенькими цветочками! – говорила бумага. – И могла ли я в то время думать, что мне выпадет на долю, счастье нести людям радость и знания! Я все ещё не могу прийти в себя от счастья! Самой себе не верю! Но ведь это так! Господь бог знает, что сама я тут ни при чем, я старалась только по мере слабых сил своих не даром занимать место! И вот он ведет меня от одной радости и почести к другой! Всякий раз, как я подумаю: «Ну, вот и песенке конец», – тут-то как раз и начинается для меня новая, ещё высшая, лучшая жизнь! Теперь я думаю отправиться в путь-дорогу, обойти весь свет, чтобы все люди могли прочесть написанное на мне! Так ведь и должно быть! Прежде у меня были

голубенькие цветочки, теперь каждый цветочек расцвел прекраснейшей мыслью! Счастливее меня нет никого на свете!

Но бумага не отправилась в путешествие, а попала в типографию, и все, что на ней было написано, перепечатали в книгу, да не в одну, а в сотни, тысячи книг. Они могли принести пользу и доставить удовольствие бесконечно большому числу людей, нежели одна та бумага, на которой были написаны рассказы: бегая по белу свету, она бы истрепалась на полпути.

«Да, конечно, так дело-то будет вернее! – подумала исписанная бумага. – Это мне и в голову не приходило! Я останусь дома отдыхать, и меня будут почитать, как старую бабушку! На мне ведь всё написано, слова стекали с пера прямо на меня! Я останусь, а книги будут бегать по белу свету! Вот это дело! Нет, как я счастлива, как я счастлива!»

Тут все отдельные листы бумаги собрали, связали вместе и положили на полку.

– Ну, можно теперь и опочить на лаврах! – сказала бумага. – Не мешает тоже собраться с мыслями и сосредоточиться! Теперь только я поняла как следует, что во мне есть! А познать себя самое – большой шаг вперед. Но что же будет со мной потом? Одно я знаю – что непременно двинусь вперед! Всё на свете постоянно идет вперед, к совершенству.

В один прекрасный день бумагу взяли да и сунули в плиту; её решили сжечь, так как её нельзя было продать в мелочную лавочку на обертку для масла и сахара.

Дети обступили плиту; им хотелось посмотреть, как бумага вспыхнет и как потом по золе начнут перебегать и потухать одна за другою шаловливые, блестящие искорки! Точь-в-точь ребяташки бегут домой из школы! После всех выходит учитель – это последняя искра. Но иногда думают, что он уже вышел – ан нет! Он выходит ещё много времени спустя после самого последнего школьника!

И вот огонь охватил бумагу. Как она вспыхнула!

– Уф! – сказала она и в ту же минуту превратилась в столб пламени, которое взвилось в воздух высоко-высоко, лён никогда не мог поднять так высоко своих голубеньких цветочных головок, и пламя сияло таким ослепительным блеском, каким никогда не сиял белый холст. Написанные на бумаге буквы в одно мгновение зарделись, и все слова и мысли обратились в пламя!

– Теперь я взовьюсь прямо к солнцу! – сказала пламя, словно тысячами голосов зараз, и взвилось в трубу. А в воздухе запорхали крошечные незримые существа, легче, воздушного пламени, из которого родились. Их было столько же, сколько когда-то было цветочков на льне. Когда пламя погасло, они ещё раз проплясали по черной золе, оставляя на ней блестящие следы в виде золотых искорок. Ребятишки выбежали из школы, за ними вышел и учитель; любо было поглядеть на них! И дети запели над мёртвою золой:

Оглянуться не успеешь,

Как уж песенке конец!

Но незримые крошечные существа говорили:

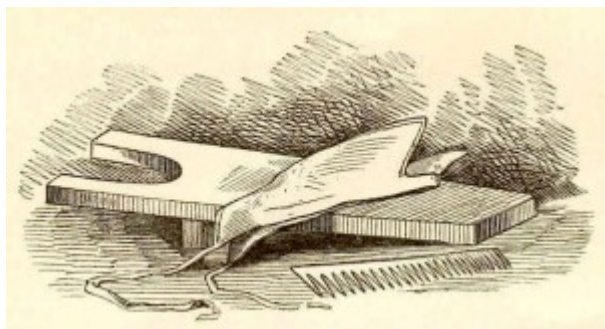
– Песенка никогда не кончается – вот что самое чудесное! Мы знаем это, и потому мы счастливее всех!

Но дети не расслышали ни одного слова, а если б и расслышали, – не поняли бы. Да и не надо! Не всё же знать детям!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Воротничок

Жил-был щеголь; у него только и было за душой, что сапожная подставка, гребенка да еще чудеснейший щегольский воротничок. Вот о воротничке-то и пойдет речь.

Воротничок уже довольно пожил на свете и стал подумывать о женитьбе. Случилось ему раз попасть в стирку вместе с чулочной подвязкой.

– Ах! – сказал воротничок. – Что за грация, что за нежность и миловидность! Никогда не видал ничего подобного! Позвольте узнать ваше имя?

– Ах, нет-нет! – отвечала подвязка.

– А где вы, собственно, изволите пребывать? Но подвязка была очень застенчива, вопрос показался ей нескромным, и она молчала.

– Вы, вероятно, завязка? – продолжал воротничок. – Вроде тесемки, которая стягивает платье на талии? Да-да, я вижу, милая барышня, что вы служите и для красоты и для пользы.

– Пожалуйста, не заводите со мной разговоров! – сказала подвязка. – Я, кажется, не подавала вам никакого повода!

– Ваша красота – достаточный повод! – сказал воротничок.

– Ах, сделайте одолжение, держитесь подальше! – вскричала

подвязка. – Вы на вид настоящий мужчина!

– Как же, я ведь щеголь! – сказал воротничок. – У меня есть сапожная подставка и гребенка!

И совсем неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничок просто хвастался.

– Подальше, подальше! – сказала подвязка. – Я не привыкла к такому обращению!

– Недотрога! – сказал воротничок.

Тут его взяли из корыта, выстирали, накрахмалили, высушили на солнце и положили на гладильную доску.

Появился горячий утюг.

– Сударыня! – сказал воротничок утюжной плитке. – Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходит какое-то превращение! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ух!.. Вашу руку и сердце!

– Ах ты рвань! – сказала утюжная плитка и гордо проехала по воротничку. Она воображала себя локомотивом, который тащит за собой по рельсам вагоны. – Рвань! – повторила она.

Воротничок немножко пообтрепался по краям, и явились ножницы подровнять их.

– О! – вскрикнул воротничок. – Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы так чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобного не видывал! Кто из людей может сравниться с вами? Вы бесподобны!

– Знаем! – сказали ножницы.

– Вы достойны быть графиней! – продолжал воротничок. – Я владею только барином-щеголем, сапожной подставкой и гребенкой... Ах, будь у меня графство...

– Он сватается?! – вскричали ножницы и, осердясь, с размаху

так резнули воротничок, что совершенно искалечили его.

Пришлось его бросить.

– Остается присвататься к гребенке! – сказал воротничок. – Удивительно, как сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужестве?

– Как же! – сказала гребенка. – Я уже невеста! Выхожу за сапожную подставку!

– Невеста! – воскликнул воротничок. Теперь ему не за кого было свататься, и он стал презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничок попал наконец с прочим тряпьем на бумажную фабрику. Тут собралось большое тряпичное общество; тонкие тряпки держались, как и подобает, подальше от грубых. У каждой нашлось о чем порассказать, у воротничка, конечно, больше всех: он был страшный хвастун.

– У меня было пропасть невест! – тараторил он. – Так и бегали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный, я выглядел таким франтом! У меня даже были собственные сапожная подставка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрели бы вы на меня, когда я лежал, бывало, на боку! Никогда не забыть мне моей первой невесты – завязки! Она была такая тонкая, нежная, мягкая! Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления!.. Но я оставил ее, и она почернела с горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, – видите? Бедовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла от тоски все свои зубы! Вообще немало у меня было разных приключений!.. Но больше всего жаль мне подвязку, то бишь – завязку, которая бросилась из-за меня в лохань. Да, много у меня кое-чего на совести!.. Пора, пора мне стать белой бумагой!

Желание его сбылось: все тряпье стало белой бумагой, а воротничок – как раз вот этим самым листом, на котором напечатана его история, – так он был наказан за свое

хвастовство. И нам тоже не мешает быть осторожнее: как знать? Может быть, и нам придется в конце концов попасть в тряпье да стать белой бумагой, на которой напечатают нашу собственную историю, и вот пойдешь разносить по белу свету всю подноготную о самом себе!

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. История одной матери

Мать пела у колыбели своего ребенка; как она горевала, как боялась, что он умрет! Личико его совсем побледнело, глазки были закрыты, дышал он так слабо, а по временам тяжело-тяжело переводил дух, точно вздыхал...

И сердце матери сжималось еще сильнее при взгляде на маленького страдальца.

Вдруг в дверь постучали, и вошел бедный старик, закутанный во

что-то вроде лошадиной попоны, – попоны ведь греет, а ему того и надо было: стояла холодная зима, на дворе все было покрыто снегом и льдом, а ветер так и резал лицо.

Видя, что старик дрожит от холода, а дитя задремало на минуту, мать отошла от колыбели, чтобы налить для гостя в кружку пива и поставить его погреться в печку. Старик же в это время подсел к колыбели и стал покачивать ребенка. Мать опустилась на стул рядом, взглянула на больного ребенка, прислушалась к его тяжелому дыханию и взяла его за ручку.

– Ведь я не лишусь его, не правда ли? – сказала она. – Господь не отнимет его у меня!

Старик – это была сама Смерть – как-то странно кивнул головой; кивок этот мог означать и да и нет. Мать опустила голову, и слезы потекли по ее щекам... Скоро голова ее отяжелела, – бедная не смыкала глаз вот уже три дня и три ночи... Она забылась сном, но всего лишь на минуту; тут она опять встрепенулась и задрожала от холода.

– Что это!?! – воскликнула она, озираясь вокруг: старик исчез, а с ним и дитя; старик унес его.

В углу глухо шипели старые часы; тяжелая, свинцовая гиря дошла до полу... Бум! И часы остановились.

Бедная мать выбежала из дома и стала громко звать своего ребенка. .

На снегу сидела женщина в длинном черном одеянии, она сказала матери:

– Смерть посетила твой дом, и я видела, как она скрылась с твоим малюткой. Она носится быстрее ветра и никогда не возвращает, что раз взяла!

– Скажи мне только, какую дорогой она пошла! – сказала мать. – Только укажи мне путь, и я найду ее!

– Я знаю, куда она пошла, но не скажу, пока ты не споешь мне всех песенок, которые певала своему малютке! – сказала женщина в черном. – Я очень люблю их. Я уже слышала их не раз, – я ведь Ночь и видела, как ты плакала, напевая их!..

– Я спою тебе их все, все! – отвечала мать. – Но не задерживай меня теперь, мне надо догнать Смерть, найти моего ребенка!

Ночь молчала, и мать, ломая руки и заливаясь слезами, запела. Много было спето песен – еще больше пролито слез. И вот Ночь промолвила:

– Ступай направо, прямо в темный сосновый бор; туда направилась Смерть с твоим ребенком!

Дойдя до перекрестка в глубине бора, мать остановилась. Куда идти теперь? У самого перекрестка стоял голый терновый куст, без листьев, без цветов; была ведь холодная зима, и он почти весь обледенел.

– Не проходила ли тут Смерть с моим ребенком?

– Проходила! – сказал терновый куст. – Но я не скажу, куда она пошла, пока ты не отогреешь меня на своей груди, у своего сердца. Я мерзну и скоро весь обледенею.

И она крепко прижала его к своей груди. Острые шипы глубоко вонзились ей в тело, и на груди ее выступили крупные капли крови... Зато терновый куст зазеленел и весь покрылся цветами, несмотря на холод зимней ночи, – так тепло у сердца скорбящей матери! И терновый куст указал ей дорогу.

Она привела мать к большому озеру; нигде не было видно ни корабля, ни лодки. Озеро было слегка затянуто льдом; лед этот не выдержал бы ее и в то же время он не позволял ей пуститься через озеро вброд; да и глубоко было! А ей все-таки надо было переправиться через него, если она хотела найти своего ребенка. И вот мать приникла к озеру, чтобы выпить его все до дна; это невозможно для человека, но несчастная мать верила в

чудо.

– Нет, из этого толку не будет! – сказала озеро. – Давай-ка лучше сговоримся! Я собираю жемчужины, а таких ясных и чистых, как твои глаза, я еще и не видывало. Если ты согласна выплакать их в меня, я перенесу тебя на тот берег, к большой теплице, где Смерть растит свои цветы и деревья: каждое растение – человеческая жизнь!

– О, чего я не отдам, чтобы только найти моего ребенка! – сказала плачущая мать, залилась слезами еще сильнее, и вот глаза ее упали на дно озера и превратились в две драгоценные жемчужины. Озеро же подхватило мать, и она одним взмахом, как на качелях, перенеслась на другой берег, где стоял огромный диковинный дом. И не разобрать было – гора ли это, обросшая кустарником и вся изрытая пещерами, или здание; бедная мать, впрочем, и вовсе не видела его, – она ведь выплакала свои глаза.

– Где же мне найти Смерть, похитившую моего ребенка? – проговорила она.

– Она еще не возвращалась! – отвечала старая садовница, присматривавшая за теплицей Смерти. – Но как ты нашла сюда дорогу, кто помог тебе?

– Господь Бог! – отвечала мать. – Он сжалился надо мною, сжался же и ты! Скажи, где мне искать моего ребенка?

– Да я ведь не знаю его! – сказала женщина. – А ты слепая! Сегодня в ночь завяло много цветов и деревьев, и Смерть скоро придет пересаживать их. Ты ведь знаешь, что у каждого человека есть свое дерево жизни или свой цветок, смотря по тому, каков он сам. С виду они совсем обыкновенные растения, но в каждом бьется сердце. Детское сердечко тоже бьется; обойди же все растения – может быть, ты и узнаешь сердце своего ребенка. А теперь, что ж ты мне дашь, если я скажу тебе, как поступать дальше?

– Мне нечего дать тебе! – отвечала несчастная мать. – Но я готова пойти для тебя на край света!

– Ну, там мне нечего искать! – сказала женщина. – А ты вот отдай-ка мне свои длинные черные волосы. Ты сама знаешь, как они хороши, а я люблю хорошие волосы. Я дам тебе в обмен свои седые; это все же лучше, чем ничего!

– Только-то? – сказала мать. – Да я с радостью отдам тебе свои волосы!

И она отдала старухе свои прекрасные, черные волосы, получив в обмен седые.

Потом она вошла в огромную теплицу Смерти, где росли попеременно цветы и деревья; здесь цвели под стеклянными колпаками нежные гиацинты, там росли большие, пышные пионы, тут – водяные растения, одни свежие и здоровые, другие – полузачахшие, обвитые водяными змеями, стиснутые клешнями черных раков. Были здесь и великолепные пальмы, и дубы, и платаны; росли и петрушка и душистый тмин. У каждого дерева, у каждого цветка было свое имя; каждый цветок, каждое деревцо было человеческою жизнью, а сами-то люди были разбросаны по всему свету: кто жил в Китае, кто в Гренландии, кто где. Попадались тут и большие деревья, росшие в маленьких горшках; им было страшно тесно, и горшки чуть-чуть не лопались; зато было много и маленьких, жалких цветочков, росших в черноземе и обложенных мхом, за ними, как видно, заботливо ухаживали, лелеяли их. Несчастливая мать наклонялась ко всякому, даже самому маленькому, цветочку, прислушиваясь к биению его сердечка, и среди миллионов узнала сердце своего ребенка!

– Вот он! – сказала она, протягивая руку к маленькому голубому крокусу, который печально свесил головку.

– Не трогай цветка! – сказала старуха. – Но стань возле него и, когда Смерть придет – я жду ее с минуты на минуту, – не давай ей высадить его, пригрози вырвать какие-нибудь другие цветы. Этому она испугается – она ведь отвечает за них перед

Богом; ни один цветок не должен быть вырван без его воли.

Вдруг пахнуло леденящим холодом, и слепая мать догадалась, что явилась Смерть.

– Как ты нашла сюда дорогу? – спросила Смерть. – Как ты могла опередить меня?

– Я мать! – отвечала та.

И Смерть протянула было свою длинную руку к маленькому нежному цветочку, но мать быстро прикрыла его руками, стараясь не помять при этом ни единого лепестка. Тогда Смертьдохнула на ее руки; дыхание Смерти было холоднее северного ветра, и руки матери бессильно опустились.

– Не тебе тягаться со мною! – промолвила Смерть.

– Но Бог сильнее тебя! – сказала мать.

– Я ведь только исполняю его волю! – отвечала Смерть. – Я его садовник, беру его цветы и деревья и пересаживаю их в великий райский сад, в неведомую страну, но как они там растут, что делается в том саду – об этом я не смею сказать тебе!

– Отдай мне моего ребенка! – взмолилась мать, заливаясь слезами, а потом вдруг захватила руками два великолепных цветка и закричала:

– Я повырву все твои цветы, я в отчаянии!

– Не трогай их! – сказала Смерть. – Ты говоришь, что ты несчастна, а сама хочешь сделать несчастною другую мать!..

– Другую мать! – повторила бедная женщина и сейчас же выпустила из рук цветы.

– Вот тебе твои глаза! – сказала Смерть. – Я выловила их из озера – они так ярко блестели там; но я и не знала, что это твои. Возьми их – они стали яснее прежнего – и взгляни вот сюда, в этот глубокий колодец! Я назову имена тех цветков, что

ты хотела вырвать, и ты увидишь все их будущее, всю их земную жизнь. Посмотри же, что ты хотела уничтожить!

И мать взглянула в колодец: отраднo было видеть, каким благодеянием была для мира жизнь одного, сколько счастья и радости дарил он окружающим! Взглянула она и на жизнь другого – и увидела горе, нужду, отчаяние и бедствия!

– Обе доли – Божья воля! – сказала Смерть.

– Который же из двух – цветок несчастья и который – счастья? – спросила мать.

– Этого я не скажу! – отвечала Смерть. – Но знай, что в судьбе одного из них ты видела судьбу своего собственного ребенка, все его будущее!

У матери вырвался крик ужаса.

– Какая же судьба ожидала моего ребенка? Скажи мне! Спаси невинного! Спаси мое дитя от всех этих бедствий! Лучше возьми его! Унеси его в царство божье! Забудь мои слезы, мои мольбы, все, что я говорила и делала!

– Я не пойму тебя! – сказала Смерть. – Хочешь ты, чтобы я отдала тебе твое дитя или чтобы унесла его в неведомую страну?

Мать заломила руки, упала на колени и взмолилась творцу:

– Не внемли мне, когда я прошу о чем-либо, несогласном с твоею всеблагою волей! Не внемли мне! Не внемли мне!

И она поникла головою...

А Смерть понесла ее ребенка в неведомую страну.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена . Счастливое семейство

Самый большой лист в нашем краю, конечно, лист лопуха. Наденешь его на животик – вот тебе и передник, положишь в дождик на голову – зонтик! Вот какой он большущий, этот лопух! И он никогда не растет в одиночку, а всегда уж где один – там и другие, роскошество, да и только! И вся эта роскошь – кушанье для улиток! А самих улиток, белых, больших, кушали в старину важные господа. Из улиток приготавливалось фрикасе, и господа, кушая его, приговаривали: «Ах, как вкусно!» Они и впрямь думали, что это ужасно вкусно, так вот, большие белые улитки ели лопух, потому и стали сеять лопух.

В одной старинной барской усадьбе уже давно не ели улиток, и они все повымерли. А лопух не вымер. Он рос себе да рос, и ничем нельзя было его заглушить. Все аллеи, все грядки заросли лопухом, так что и сад стал не сад, а лопушиный лес. Никто бы и не догадался, что тут прежде был сад, если бы не торчали еще где яблонька, где сливовое деревцо. Вот в этом-то лопушином лесу и жила последняя пара старых-престарых улиток.

Они сами не знали, сколько им лет, но отлично помнили, что

прежде их было очень много, что они иностранной породы и что весь этот лес был насажен исключительно ради них и их родичей. Старые улитки ни разу не выходили из своего леса, но знали, что где-то есть еще нечто, называемое «господским двором», что там улиток варили до тех пор, пока они не почернеют, а потом клали на серебряное блюдо. Что было дальше, они не знали. Впрочем, не представляли они себе и того, что значит свариться и лежать на серебряном блюде, и предполагали только, что это чудесно и необыкновенно аристократично. И ни майский жук, ни жаба, ни дождевой червь, которых они об этом спрашивали, ничего не могли сказать им: никому из них еще не приходилось лежать в вареном виде на серебряном блюде.

Что же касается самих себя, то улитки отлично знали, что они, старые белые улитки, самые знатные на свете, что весь лес растет только для них, а усадьба существует лишь для того, чтобы их можно было варить и класть на серебряное блюдо.

Жили улитки уединенно и счастливо. Детей у них не было, и они взяли на воспитание улитку из простых. Приемный их ни за что не хотел расти – он был ведь из простых, но старикам, особенно улитке-мамаше, все казалось, что он заметно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если он не замечает этого на глаз, ощупать раковину малютки. Папаша щупал и соглашался.

Как-то раз шел сильный дождь.

– Ишь как барабанит по лопуху! – сказал улитка-папаша.

– И капли-то какие крупные! – сказала улитка-мамаша. – Вон как текут вниз по стеблям! Увидишь, как здесь будет сыро! Как я рада, что и у нас и у нашего сынка такие прочные домики! Нет, что ни говори, а ведь нам дано больше, чем любым другим тварям. Сейчас видать, что мы созданы господами. У нас уже с самого рождения есть свои дома, для нас насажен целый лопушиный лес! А хотелось бы знать, как далеко он тянется и что там за ним?

– Ничего за ним нет! – сказал улитка-папаша. – Уж лучше, чем у

нас тут, нигде и быть не может. Я, во всяком случае, лучшего не ищу.

– А мне, – сказала улитка-мамаша, – хотелось бы попасть на господский двор, свариться и лежать на серебряном блюде. Этого удостаивались все наши предки, и уж поверь, это что-то особенное.

– Господский двор-то, пожалуй, давно развалился, – сказал улитка-папаша, – или весь зарос лопухом, так что людям и не выбраться оттуда. Да и к чему спешить? Ты вот вечно спешишь, и сынок наш туда же, на тебя глядя. Вон он уже третий день все ползет и ползет вверх по стеблю. Просто голова кружится, как поглядишь!

– Ну, не ворчи на него! – сказала улитка-мамаша. – Он ползет остороженько. Вот, верно, будет нам утеха под старость лет, нам ведь больше и жить не для чего. Только ты подумал, откуда нам взять ему жену? Что, по-твоему, там дальше в лопухах не найдется ли кого из нашего рода?

– Черные улитки есть, конечно, – сказал улитка-папаша. – Черные улитки без домов. Но ведь это же простонародье. Да и много они о себе воображают. Впрочем, можно поручить это дело муравьям: они вечно бегают взад и вперед, точно за делом, и, уж верно, знают, где искать жену для нашего сынка.

– Знаем, знаем одну красавицу из красавиц! – сказали муравьи. – Только вряд ли что-нибудь выйдет – она королева.

– Это не беда! – сказали старики. – А есть ли у нее дом?

– Даже дворец! – сказали муравьи. – Чудесный муравейник, семьсот ходов.

– Благодарим покорно! – сказала улитка-мамаша. – Сыну нашему не с чего лезть в муравейник! Если у вас нет на примете никого получше, мы поручим дело белым мошкам: они летают и в дождь и в солнышко, знают лопушиный лес вдоль и поперек.

– У нас есть невеста для вашего сына! – сказали белые мошки. – Шагах в ста отсюда на кусте крыжовника сидит в своем домике одна маленькая улитка. Живет она одна-одинешенька и как раз невестится. Это всего в ста человеческих шагах отсюда!

– Так пусть она явится к нашему сыну! У него целый лопушиный лес, а у нее всего-навсего какой-то куст!

Послали за улиткой-невестой. Она отправилась в путь и на восьмой день путешествия благополучно добралась до лопухов. Вот что значит чистота породы!

Справили свадьбу. Шесть светляков светили изо всех сил. Вообще же свадьба была тихая: старики терпеть не могли суеты и шумного веселья. Зато улитка-мамаша произнесла чудесную речь – папаша не мог, так он был растроган. И вот старики отдали молодым во владение весь лопушиный лес, сказав при этом, как они и всю жизнь говорили, что лучше этого леса ничего нет на свете, и если молодые будут честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь им или их детям доведется попасть на господский двор, и там их сварят дочерна и положат на серебряное блюдо.

Затем старики заползли в свои домики и больше уж не показывались – заснули.

А молодые улитки стали царствовать в лесу и оставили после себя большое потомство. Попасть же на господский двор и лежать на серебряном блюде им так и не довелось. Вот почему они решили, что господский двор совсем развалился, а все люди на свете повымерли. Никто им не противоречил – значит, так оно и было. И вот дождь барабанил по лопуху, чтобы позабавить улиток, солнце сияло, чтобы зеленел их лопух, и они были очень счастливы, и все семейство их было счастливо. Вот так.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Капля воды

Вы, конечно, видели увеличительное стекло – круглое, выпуклое, через которое все вещи кажутся во сто раз больше, чем они на самом деле? Если через него поглядеть на каплю воды, взятую где-нибудь из пруда, то увидишь целые тысячи диковинных зверюшек, которых вообще никогда не видно в воде, хотя они там, конечно, есть. Смотришь на каплю такой воды, а перед тобой, ни дать ни взять, целая тарелка живых креветок, которые прыгают, копошатся, хлопчут, откусывают друг у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тут уголок, то там кончик и при этом радуются и веселятся по-своему!

Жил-был один старик, которого все звали Копун Хлопотун, – такое уж у него было имя. Он вечно копался и хлопотал над всякою вещью, желая извлечь из нее все, что только вообще можно, а нельзя было достигнуть этого простым путем – прибегал к колдовству.

Вот сидит он раз да смотрит через увеличительное стекло на

каплю воды, взятой прямо из лужи. Батюшки мои, как эти зверюшки копошились и хлопотали тут! Их были тысячи, и все они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали друг друга.

– Но ведь это отвратительно! – вскричал старый Копун Хлопотун.
– Нельзя ли их как-нибудь умиротворить, ввести у них порядок, чтобы всякий знал свое место и свои права?

Думал-думал старик, а все ничего придумать не мог. Пришлось прибегнуть к колдовству.

– Надо их окрасить, чтобы они больше бросались в глаза! – сказал он и чуть капнул на них какую-то жидкостью, вроде красного вина; по это было не вино, а ведьмина кровь самого первого сорта. Все диковинные зверюшки вдруг приняли красноватый оттенок, и каплю воды можно было теперь принять за целый город, кишевший голыми дикарями.

– Что у тебя тут? – спросил старика другой колдун, без имени,
– этим-то он как раз и отличался.

– А вот угадай! – отозвался Копун Хлопотун. – Угадаешь – я подарю тебе эту штуку. Но угадать не так-то легко, если не знаешь, в чем дело!

Колдун без имени поглядел в увеличительное Стекло. Право, перед ним был целый город, кишевший людьми, но все они бегали нагишом! Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу – непременно выбивался наверх, кто был наверху – попадал вниз.

– Гляди, гляди! Вон у того нога длиннее моей! Долой ее! А вот у этого крошечная шишка за ухом, крошечная, невинная шишка, но ему от нее больно, так пусть будет еще больнее!

И они кусали беднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрят, кто-нибудь сидит себе смирно, как красная девица, никого не трогает, лишь бы и его

не трогали, так нет, давай его тормошить, таскать, теревить, пока от него не останется и следа!

– Ужасно забавно! – сказал колдун без имени.

– Ну, а что это такое, по-твоему? Можешь угадать? – спросил Копун Хлопотун.

– Тут и угадывать нечего! Сразу видно! – отвечал тот. – Это Копенгаген или другой какой-нибудь большой город, они все ведь похожи один на другой!.. Это большой город!

– Это капля воды из лужи! – промолвил Копун Хлопотун.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. Старый дом

На одной улице стоял старый-старый дом, выстроенный еще около трехсот лет тому назад, – год его постройки был вырезан на

одном из оконных карнизов, по которым вилась затейливая резьба: тюльпаны и побеги хмеля; тут же было вырезано старинными буквами и с соблюдением старинной орфографии целое стихотворение. На других карнизах красовались уморительные рожи, корчившие гримасы. Верхний этаж дома образовывал над нижним большой выступ; под самой крышей шел водосточный желоб оканчивавшийся головой дракона. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из живота – желоб был дырявый.

Все остальные дома на улице были такие новенькие, чистенькие, с большими окнами и прямыми, ровными стенами; по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: «Долго ли он будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается по ту сторону дома! А лестница-то, лестница-то! Широкая, будто во дворце, и высокая, словно ведет на колокольню! Железные перила напоминают вход в могильный склеп, а на дверях блестят большие медные бляхи! Просто неприлично!»

Против старого дома, на другой стороне улицы, стояли такие же новенькие, чистенькие домики и думали то же, что их собратья; но в одном из них сидел у окна маленький краснощекий мальчик с ясными, сияющими глазами; ему старый дом и при солнечном и при лунном свете нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену старого дома с потрескавшейся и местами пообвалившейся штукатуркой, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого, воображал всю улицу застроенной такими же домами, с широкими лестницами, выступами и остроконечными крышами, видел перед собою солдат с алебардами и водосточные желобы в виде драконов и змиев... Да, можно таки было заглядеться на старый дом! Жил в нем один старичок, носивший короткие панталоны до колен, кафтан с большими металлическими пуговицами и парик, про который сразу можно было сказать: вот это настоящий парик! По утрам к старику приходил старый слуга, который прибирал все в доме и исполнял поручения старичка хозяина; остальное время дня старик оставался в доме один-

одинешенек. Иногда он подходил к окну взглянуть на улицу и на соседние дома; мальчик, сидевший у окна, кивал старику головой и получал в ответ такой же дружеский кивок. Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом, – это ничуть им не помешало!

Раз мальчик услышал, как родители его говорили:

– Старику живется вообще не дурно, но он так одинок, бедный!

В следующее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумажку, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

– Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Пусть он останется у него, ведь старый господин так одинок, бедный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнул головой и отнес солдатика в старый дом. Потом тот же слуга явился к мальчику спросить, не пожелает ли он сам навестить старого господина. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные бляхи на перилах лестницы блестели ярче обыкновенного, точно их вычистили в ожидании гостя, а резные трубачи – на дверях были ведь вырезаны трубачи, выглядывавшие из тюльпанов, – казалось, трубили изо всех сил, и щеки их раздувались сильнее, чем всегда. Они трубили: «Тра-та-та – та! Мальчик идет! Тра-та-та-та!» Двери отворились, и мальчик вошел в коридор. Все стены были увешаны старыми портретами рыцарей в латах и дам в шелковых платьях; рыцарские доспехи бряцали, а платья шуршали... Потом мальчик прошел на лестницу, которая сначала шла высоко вверх, а потом опять вниз, и очутился на довольно-таки ветхой террасе с большими дырами и широкими щелями в полу, из которых выглядывали зеленые трава и листья. Вся терраса, весь двор и даже вся стена дома были увиты зеленью, так что терраса выглядела настоящим садом, а на самом-то деле это была терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами; цветы росли в них как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика:

зеленые ростки ее разбегались во все стороны, и гвоздика как будто говорила: «Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне в воскресенье еще один цветочек! Еще один цветочек в воскресенье!»

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиной кожей с золотым тиснением.

Да, позолота-то сотрется,

Свиная ж кожа остается!

говорили стены.

В той же комнате стояли разукрашенные резьбой кресла с высокими спинками.

– Садись! Садись! – приглашали они, а потом жалобно скрипели.

– Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как старый шкаф. Ревматизм в спине! Ох!

Затем мальчик вошел в комнату с большим выступом на улицу. Тут сидел сам старичок хозяин.

– Спасибо за оловянного солдатика, дружок! – сказал он мальчику. – И спасибо, что сам зашел ко мне!

«Так, так» или, скорее, «кхак, кхак!» – закричала и заскрипела мебель. Стульев, столов и кресел было так много, что они мешали друг другу смотреть на мальчика.

На стене висел портрет прелестной молодой дамы с живым, веселым лицом, но причесанной и одетой по старинной моде: волосы ее были напудрены, а платье стояло колом. Она не сказала ни «так», ни «кхак», но ласково смотрела на мальчика, и он сейчас же спросил старика:

– Где вы ее достали?

– В лавке старьевщика! – отвечал тот. – Там много таких портретов, но никому до них нет дела: никто не знает, с кого

они писаны, – все эти лица давным-давно умерли и похоронены. Вот и этой дамы нет на свете лет пятьдесят, но я знал ее в старину.

Под картиной висел за стеклом букетик засушенных цветов; им, верно, тоже было лет под пятьдесят, – такие они были старые! Маятник больших старинных часов качался взад и вперед, стрелка двигалась, и все в комнате старело с каждой минутой, само того не замечая.

– У нас дома говорят, что ты ужасно одинок! – сказал мальчик.

– О! Меня постоянно навещают воспоминания знакомых лиц и образов!.. А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, которых теперь уж не увидишь, солдаты, похожие на трефовых валетов, городские ремесленники с развевающимися знаменами. У портных на знаменах красовались ножницы, поддерживаемые двумя львами, у сапожников же не сапоги, а орел с двух головах – сапожники ведь делают все парные вещи. Да, вот так картинки были!

Старичок хозяин пошел в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме, право, было прелесть как хорошо!

– А мне просто невмочь оставаться здесь! – сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. – Тут так пусто и печально. Нет, кто привык к семейной жизни, тому здесь не житье. Сил моих больше нет! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше! Тут не услышишь ни приятных бесед, какие вели, бывало, между собою твои родители, ни веселой возни ребятишек, как у нас! Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него кто-нибудь ласково? Бывает у него елка? Получает он подарки? Ничего! Вот разве гроб он получит!.. Нет, право, я не выдержу такого житья!

– Ну, ну полно! – сказал мальчик. – По-моему, здесь чудесно; сюда ведь заглядывают воспоминания и приводят с собою столько

знакомых лиц!

– Что-то не видал их, да они мне и не знакомы! – отвечал оловянный солдатик. – Нет, мне просто не под силу оставаться здесь!

– А надо! – сказал мальчик.

В эту минуту в комнату вошел с веселой улыбкой на лице старичок, и чего-чего он только не принес! И варенья, и яблок, и орехов! Мальчик перестал и думать об оловянном солдатике.

Веселый и довольный вернулся он домой. Дни шли за днями; мальчик по-прежнему посылал в старый дом поклоны, а оттуда тоже поклоны в ответ, и вот мальчик опять отправился туда в гости.

Резные трубачи опять затрубили: «Тра-та-та-та! Мальчик пришел! Тра-та-та-та!» Рыцари и дамы на портретах бряцали доспехами и шуршали шелковыми платьями, свиная кожа говорила, а старые кресла скрипели и кряхтели от ревматизма в спине: «Ох!» Словом, все было как и в первый раз, – в старом доме часы и дни шли один, как другой, без всякой перемены.

– Нет, я не выдержу! – сказал оловянный солдатик. – Я уже плакал оловом! Тут слишком печально! Пусть лучше пошлют меня на войну, отрубят там руку или ногу! Все-таки хоть перемена будет! Сил моих больше нет!.. Теперь и я знаю, что это за воспоминания, которые приводят с собою знакомых лиц! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуешься! Особенно, если они станут посещать тебя часто. Под конец я готов был спрыгнуть с сундука!.. Я видел тебя и всех твоих!.. Вы все стояли передо мною, как живые!.. Это было утром в воскресенье... Все вы, ребяташки, стояли в столовой, такие серьезные, набожно сложив руки, и пели утренний псалом... Папа и мама стояли тут же. Вдруг дверь отворилась, и вошла незванная двухгодовалая сестренка ваша Мари. А ей стоит только услышать музыку или пение – все равно какое, – сейчас начинает плясать. Вот она и принялась приплясывать, но никак не могла попасть в такт – вы

пели так протяжно... Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дело не ладилось. Никто из вас даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмеялся про себя, да и слетел со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка – она и теперь еще не прошла, и поделом мне было!.. Много и еще чего вспоминается мне... Все, что я видел, слышал и пережил в вашей семье, так и всплывает у меня перед глазами! Вот каковы они, эти воспоминания, и вот что они приводят с собой!.. Скажи, вы и теперь еще поете по утрам? Расскажи мне что-нибудь про малютку Мари! А товарищ мой, оловянный солдатик, как поживает? Вот счастливец!.. Нет, нет, я просто не выдержу!..

– Ты подарен! – сказал мальчик. – И должен остаться тут! Разве ты не понимаешь этого?

Старичок хозяин явился с ящиком, в котором было много разных диковинок: какие-то шкатулочки, флакончики и колоды старинных карт – таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь! Старичок отпер для гостя и большие ящики старинного бюро и даже клавикорды, на крышке которых был нарисован ландшафт. Инструмент издавал под рукой хозяина тихие дребезжащие звуки, а сам старичок напевал при этом какую-то заунывную песенку.

– Эту песню певала когда-то она! – сказал он, кивая на портрет, купленный у старьевщика, и глаза его заблестели.

– Я хочу на войну! Хочу на войну! – завопил вдруг оловянный солдатик и бросился с сундука.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик – нет нигде, да и только.

– Ну, я найду его после! – сказал старичок, но так и не нашел. Пол весь был в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

Вечером мальчик вернулся домой. Время шло; наступила зима;

окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на них, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстие, в которое можно было взглянуть на улицу. Снег запорошил все завитушки и надпись на карнизах старого дома и завалил лестницу, – дом стоял словно нежилой. Да так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала колесница, на нее поставили гроб и повезли старичка за город, в фамильный склеп. Никто не шел за гробом – все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окошка, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портрет дамы, купленный в лавке старьевщика, вернулся туда же, да так там и остался: никто ведь не знал этой дамы, никому и не нужен был ее портрет.

Весною стали ломать старый дом – этот жалкий сарай уже мозолил всем глаза, и с улицы можно было заглянуть в самые комнаты с обоями из свиной кожи, висевшими клочьями; зелень на террасе разрослась еще пышнее и густо обвивала упавшие балки. Наконец место очистили совсем.

– Вот и отлично! – сказали соседние дома.

Вместо старого дома на улице появился новый, с большими окнами и белыми ровными стенами. Перед ним, то есть, собственно, на том самом месте, где стоял прежде старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Садик был обнесен высокой железной решеткой, и вела в него железная калитка. Все это выглядело так нарядно, что прохожие останавливались и глядели сквозь решетку. Виноградные лозы были усеяны десятками воробьев, которые чирикали наперебой, но не о старом доме, – они ведь не могли его помнить; с тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиной. Из него вышел дельный человек на радость своим родителям. Он только

что женился и переехал со своею молодой женой как раз в этот новый дом с садом.

Оба они были в саду; муж смотрел, как жена сажала на клумбу какой-то приглянувшийся ей полевой цветок. Вдруг молодая женщина вскрикнула:

– Ай! Что это?

Она укололась – из мягкой, рыхлой земли торчало что-то острое. Это был – да, подумайте! – оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, валялся в мусоре и наконец много-много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтерла солдатика сначала зеленым листком, а затем своим тонким носовым платком. Как чудесно пахло от него духами! Оловянный солдатик словно очнулся от обморока.

– Дай-ка мне посмотреть! – сказал молодой человек, засмеялся и покачал головой. – Ну, это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне одну историю из моего детства!

И он рассказал своей жене о старом доме, о хозяине его и об оловянном солдатике, которого послал бедному одинокому старичку. Словом, он рассказал все, как было в действительности, и молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

– А может быть, это и тот самый оловянный солдатик! – сказала она. – Я спрячу его на память. Но ты непременно покажи мне могилу старика!

– Я и сам не знаю, где она! – отвечал он. – Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше него, никому не было и дела до его могилы, я же в те времена был еще совсем маленьким мальчуганом.

– Как ужасно быть таким одиноким! – сказала она.

– Ужасно быть одиноким! – сказал оловянный солдатик. – Но

какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

– Счастье! – повторил чей-то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

Оказалось, что это говорил лоскуток свиной кожи, которую когда-то были обиты комнаты старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на грязный комок земли, но у него был свой взгляд на вещи, и он высказал его:

Да, позолота-то сотрется,

Свиная ж кожа остается!

Оловянный солдатик, однако, с этим не согласился.

✘ ✘ ✘ ✘ ✘

✘ Загрузка...